

ВВОДНЫЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПОИСК СОДЕРЖАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

В. А. Воробьёв

В 2014 г. исполняется пятьдесят лет с момента выхода в свет первого русского издания учебника П. Самуэльсона «Экономика». Это хороший повод для того, чтобы проанализировать основные тенденции в становлении и развитии вводного учебного курса по экономической теории в университетах западных странах, его особенности и проблемы преподавания в университетах Беларуси.

От классической политической экономии – к современной экономической теории

В англоязычных странах исторически сложившейся учебной дисциплиной, излагающей важнейшие, часто альтернативные направления теоретической экономической мысли, является *Economics*⁷. Замена в западных университетах в конце XIX – начале XX вв. учебным курсом «Экономика» курса политической экономии отразила новые приоритеты в развитии экономического анализа и образования в русле двух конкурирующих традиций: полити-

---

© Воробьёв В.А., 2014

⁷ В других языках используются свои термины для названия современной экономической теории. Во Франции это «*Économie*», в Испании – «*Economía*», в Германии – «*Volkswirtschaftslehre*». Транслитерация русскими буквами («Экономикс») английского термина «*Economics*» – идея неудачная. Во-первых, почему английского, а не немецкого или французского? Во-вторых, как справедливо отмечал В.М. Гальперин, никто не переводит на русский язык «*Mathematics*» как «Мафематикс», «*Statistics*» как «Статистикс» или «*Physics*» как «Физикс». Ничего, кроме старых идеологических клише (отношения к содержанию этой дисциплины как к чему-то чужеродному), с неологизмом «Экономикс» обычно не ассоциируется (Гальперин, 1992. С. 15–16). В данной статье термин «*Economics*» либо вообще не переводится (когда речь идет о теоретических экономических курсах, читаемых в университетах англоязычных стран), либо переводится как «Экономика» или «Экономическая теория». Следует отметить, что ни у кого не вызывают отторжения переводы на русский язык понятий «*Microeconomics*» и «*Macroeconomics*» как «Микроэкономика» и «Макроэкономика».

ческой экономики, вбирающей политический контекст, и экономической теории, освободившейся от этого контекста [9, с. 18].

Термин «политическая экономия», введенный в начале XVII в. для наименования экономической науки, подчеркивал выполнение ею практической функции – обосновывать конкретные рекомендации по совершенствованию государственного управления национальным хозяйством. Но позже выяснилось, что практические советы, которые давали экономисты, далеко не всегда способствовали достижению поставленных целей. Было признано, что политика *laissez-faire* должна стать «общим правилом, и всякое отступление от него, правда если подобное отступление не вынуждается какой-либо громадной пользой, будет очевидным злом» [12, с. 350]. Это определило постепенный сдвиг в экономических исследованиях от нормативного к позитивному анализу. Название науки перестало соответствовать ее содержанию. Логическое завершение этот процесс получил в 1890 г., после выхода в свет работы А. Маршалла⁸, в которой для обозначения фундаментальной экономической науки (и соответствующего учебного курса) использовался термин «*Economics*». Это название в англоязычной литературе получило широкое распространение.

---

⁸ Marshall A. 1890. Principles of Economics: An introductory volume. London: Macmillan and Co., Ltd.

В русском переводе: 1983 г. (М.: Прогресс) – «Принципы политической экономии»; 1993 г. (М.: Прогресс. Универс) – «Принципы экономической науки»; 2008 г. (М.: Эксмо) – «Основы экономической науки». Как видим, редакторы издательства «Прогресс» через десять лет отбросили идеологические предпочтения и уточнили перевод названия книги Маршалла. А редакторы «Эксмо» предложили еще один вариант, понимая под основами экономической науки фундаментальные экономические знания (Маршалл, 2008. С. 9).

Первая глава книги Маршалла начинается словами: «Политическая экономия, или экономическая наука (*Economics*) занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества...» (Маршалл, 2008. С. 59). Представляется, что таким образом автор желал подчеркнуть преемственность исследований в экономической науке, которая «никогда не отказывалась полностью от прежних взглядов, и наследие старой доктрины неразрывно переплетено с позднейшими научными достижениями» (Груневеген, 2004. С. 685).

И хотя с 30-х гг. XX в. практическое значение экономической теории вновь существенно выросло в связи с необходимостью разработки и проведения стабилизационных мероприятий в условиях Великой экономической депрессии, в прежнем значении термин «политическая экономия» уже не употреблялся. Сегодня словосочетание «политическая экономия» чаще всего используется либо в качестве исторического наименования экономической науки, либо для обозначения науки, изучающей политический процесс принятия экономических решений и получившей развитие в работах правых либертарианцев из Чикаго и Центра изучения общественного выбора (Centre for Study of Public Choice)⁹.

В последние годы в отдельных университетах развивается школа «новой политической экономии», тесно связанная с общей социальной теорией, политической и моральной философией и воспринимающая экономическую науку не только как техническую или математическую дисциплину, но и как ветвь политической философии [9, с. 18]. Одним из оснований данного направления теоретической экономической мысли является марксизм. Представители марксистской школы никогда не отказывались от применения термина «политическая экономия» в своих исследованиях. В социалистических странах монопольное положение марксистско-ленинской политической экономии в высших учебных заведениях сохранялось до конца 80-х гг. XX в.

Утверждение термина «Экономика» в его современном понимании проходило через развитие университетских учебных курсов. С середины XX в. возобладал подход, считающий, что важнейшая задача этой дисциплины – обеспечить студентам максимально широкий кругозор, а не разделить течения экономической мысли на «правильные» и «неправильные». В какой-то мере эклектичный (методологически неоднородный) курс экономики, вобравший в

---

⁹ Экономисты данной школы «заменяли поставленный Роббинсом вопрос: «Что по своей природе относится к экономической сфере, а что – нет?» на более широкий вопрос: «Как экономическая наука может содействовать пониманию той или иной проблемы?» Такая постановка вопроса создала предпосылки для «экономического империализма» и разработки политической экономии «семейной жизни, воспитания детей, смерти, сексуальных отношений, преступности, политики и многих других явлений» (Груневеген, 2004. С. 685).

себя информацию об основных экономических теориях, независимо от их фундаментальных различий и идеологических предпочтений преподавателей и обучающихся, оказался наиболее востребованным системой университетского образования в западных странах¹⁰.

Современный курс «Экономика», преподаваемый в университетах практически всех стран мира, состоит из двух основных частей. *Микроэкономика* изучает поведение рыночных субъектов, максимизирующих свою полезность, процессы ценообразования на рынках производственных ресурсов и проблемы микроэкономического государственного регулирования. Это наиболее стандартизированный и методологически однородный раздел общей экономической теории. *Макроэкономика* рассматривает функционирование агрегированных экономических субъектов (домашних хозяйств, финансовых и нефинансовых фирм, государства, внешнего сектора) и агрегированных рынков (товарного, экономических ресурсов, финансового, валютного), проблемы фискального и денежно-кредитного регулирования в закрытой и открытой экономике. Если микроэкономический анализ основывается на неоклассических (в последние десятилетия – и неоинституциональных) подходах, то макроэкономический опирается прежде всего на положения неокейнсианской теории, но отражает и критику этой научной школы со стороны монетаризма, новой классической макроэкономики (тео-

---

¹⁰ Но как бы авторы различных учебников по экономической теории ни старались быть объективными и представить все основные школы и направления, как бы они ни скрывали собственные идеологические предпочтения, плоды их усилий все равно будут подвергаться критике за предвзятость, и для такой оценки всегда найдутся основания в силу эклектического содержания их творений. Правые будут обвинять в симпатиях к левым течениям, левые – правым. О чем-то подобном вспоминает П. Самуэльсон: после выхода в свет его учебника сторонники сенатора-республиканца Дж. Маккарти обвиняли его в левом радикализме и апологетике марксизма и смешанной экономики; авторы двухтомника «Анти-Самуэльсон», вышедшего во времена левацких студенческих волнений 60-х годов, ставили в вину защиту политики *laissez-faire* (Самуэльсон, Нордхаус, 2000. С. 17).

рии рациональных ожиданий), экономической теории предложения¹¹.

«Economics»: становление и постоянное обновление

С середины XX в. эталонным учебником, излагающим начальный курс по экономической теории, стал учебник Пола Самуэльсона¹². Юбилейная дата для его русскоязычных читателей, о которой выше упоминалось, позволяет уделить большее место в статье анализу роли данной книги в становлении современного вводного курса экономической теории.

С. Фишер в статье, посвященной пятидесятилетию первого американского издания учебника, точно и емко сформулировал основные факторы, обусловившие исключительную популярность данного учебника: она изначально была предопределена экстраординарностью ума его автора, недогматичного, бережного к предшественникам и современникам, к тому же использующего новый экономический язык [23, с. 363].

Многие исследователи считают, что именно Самуэльсон, сделав доступной экономику для неэкономистов, внес огромный вклад в формирование экономического мышления нескольких поколений в

---

¹¹ Многие авторы рассматривают как синонимы понятия «Economics» и «mainstream», понимая под последним идеи и методологию неоклассической школы. И затем распространяют критику неоклассических подходов на *Economics*. Данная подмена неправомерна: неоклассические взгляды обычно представлены в *Economics* вместе с другими школами и подходами, зачастую альтернативными *mainstream*. По крайней мере, в макроэкономике неоклассические подходы не являются господствующими.

¹² *Economics: An Introductory Analysis*. Издательство *McGraw-Hill Book Company, INC*. Первое издание датируется 1948 годом. На русский язык впервые был осуществлен перевод пятого англоязычного издания (Самуэльсон, 1964).

Пол Энтони Самуэльсон (Paul Anthony Samuelson, 15 мая 1915 г. – 13 декабря 2009 г.) – выдающийся американский ученый-теоретик и экономист, основатель знаменитого факультета экономики в Массачусетском технологическом институте, получивший первым из американских экономистов в 1970 г. Премию памяти Нобеля в области экономики «за научную работу, развившую статическую и динамическую экономическую теорию и внесшую вклад в повышение общего уровня анализа в области экономической науки».

западных странах. Ведь большинство людей понимают экономику и экономическую политику, основываясь на знаниях, полученных именно при изучении начального курса, и, скорее всего, одного учебника [25, с. 4]. Для миллионов из них таким учебником стал учебник Самуэльсона, в котором излагались господствующие представления об экономике, центральные парадигмы экономической теории.

Одна из первых рецензий на «Экономику» принадлежала Дж.К. Гэлбрейту, который предсказывал, что следующие поколения будут изучать экономику именно по этому учебнику. «Гэлбрейт – не без иронии вспоминает это П. Самуэльсон – оказался гораздо более прозорливым, чем я, и эта книга действительно стала новым и долговечным примером для подражания» [17, с. 17]. К началу XXI в. учебник был переведен на многие языки¹³, продавался в 60-ти странах, тиражи только одного издательства McGraw-Hill (учитываются первые пятнадцать изданий, без переводов) составили более 4 млн экземпляров. Пик продаж был достигнут в 1964 г. – почти полмиллиона книг [24, с. 138; 25, с. 4]¹⁴. С 1985 г., начиная с двенадцатого издания, у учебника появился соавтор – В. Нордхаус¹⁵. К настоящему времени на английском языке учебник

---

¹³ На 41 язык, как утверждает Skousen (1997. P. 137). На официальном сайте Нордхауса называются 17 языков: испанский, итальянский, китайский, немецкий, португальский, русский, японский и др. (<http://www.econ.yale.edu/~nordhaus/homepage/>), но этот перечень не исчерпывающий, поскольку не назван, например, французский язык (перевод осуществило издательство «Economica»).

¹⁴ В 2000-х гг. этот учебник уже не входит по количеству продаж в десятку самых успешных на американском рынке. Однако все другие авторы в долгу у Самуэльсона, поскольку используют его экономический язык (Skousen, 1997. P. 137).

¹⁵ Вильям Д. Нордхаус (William D. Nordhaus; 31 мая 1941 г.) – выдающийся американский ученый, профессор Йельского университета. В 2014 г. занял почетный пост президента Американской экономической ассоциации, а также стал председателем Бостонского Федерального резервного банка. Появление соавтора Самуэльсон объяснил, с одной стороны, «зovem тенниса», желанием «отставного» профессора насладиться жизнью, и, с другой стороны, нежеланием издательства McGraw-Hill отказаться от многолетнего успешного проекта (Самуэльсон, Нордхаус, 2000. С. 18).

переиздавался девятнадцать раз, представляя каждый раз перед читателями обновленным и учитывающим современные тенденции в экономической науке¹⁶.

Два существенных момента отличали учебник Самуэльсона от аналогичных изданий середины XX в. Во-первых, *он был первым учебником по экономике, в котором устоявшийся, стандартный к тому времени раздел микроэкономики был дополнен новым разделом – макроэкономикой*. Именно с обсуждения проблем макроэкономики начинался учебник вплоть до тринадцатого издания включительно. Сам автор объяснял такую структуру изложения повышенным интересом студентов к макроэкономическим проблемам. И только с издания 1992 г. изложение микроэкономики стало предшествовать макроэкономическому анализу, что в принципе более логично и является сегодня стандартным подходом. Соединение воедино обсуждения проблем микро- и макроэкономики получило название *неоклассического синтеза*, который многими исследователями рассматривается в качестве наиболее значительного вклада Самуэльсона в развитие макроэкономики [26, с. 92]. Суть неоклассического синтеза в понимании самого Самуэльсона заключается в том, что через бюджетно-налоговую и денежно-кредитную политику можно воздействовать на совокупный спрос (это – проблемное поле неокейнсианской теории) и, в дальнейшем, на поведение экономических субъектов (описывается неоклассической теорией).

Во-вторых, *«Экономика» П. Самуэльсона вносит огромный научный вклад и в способ проведения экономических исследований и изложение его результатов*. Возможно, в гораздо большей мере, чем любой другой представитель экономической науки в первой половине XX в., данный экономист олицетворял собой математический, основанный на использовании абстрактных моделей подход к экономике. Самуэльсон утверждал, что математика необходима для обновления экономической науки. Язык математики, счи-

---

¹⁶ 1-е англоязычное издание – 1948 г.; 2-е – 1951; 3-е – 1955; 4-е – 1958; 5-е – 1961 (1964); 6-е – 1964; 7-е – 1967; 8-е – 1970; 9-е – 1973; 10-е – 1976; 11-е – 1980; 12-е – 1985; 13-е – 1989; 14-е – 1992; 15-е – 1995 (1997); 16-е – 1998 (2000); 17-е – 2001 (2002); 18-е – 2005 (2006); 19-е издание – 2009, (2012). В скобках – год первого издания на русском языке соответствующего англоязычного издания.

тал он, единственно возможный язык для изложения основных положений экономической теории [19, с. 273].

Учебник Самуэльсона – это живой организм, а не что-то догматичное, неизменное. Способность «Экономики» развиваться была ключом к ее выживанию. Каждым новым изданием автор чутко реагировал на изменения в экономической практике и новые тенденции в теоретическом экономическом анализе. Ниже представлены (насколько позволяет объем статьи) несколько иллюстраций к этому тезису.

Хотя сорок процентов объема учебника занимает микроэкономика, посвященные ей главы изменялись в течение десятилетий несущественно. Этого нельзя сказать о макроэкономическом разделе.

Неоклассический синтез доминировал в экономической науке до середины 70-х гг. прошлого века. Далее он был серьезно оспорен. Точную настройку экономики становилось все труднее оправдать. Шоки предложения и стагфляция заставили экономистов вернуться к истокам и анализировать проблемы экономики со стороны совокупного предложения. И Самуэльсон сразу же уловил эту тенденцию и с издания 1970 г. серьезно снизил оценку неоклассического синтеза [25, с. 94].

Постепенно изменялось отношение Самуэльсона к *результативности денежно-кредитной политики*, к ее интерпретации монетаристами. Он признает, что в первых изданиях «Экономики» был склонен преуменьшать роль денег. Но уже в двенадцатом издании монетаризм характеризуется как сильная философия, оказывающая решающее влияние на правительство Тэтчер и Рейгана, в пятнадцатом денежно-кредитная политика представляется как доминирующая для достижения целей стабилизации [25, с. 96–97]. Следует подчеркнуть, что новые тенденции в практике проведения макроэкономической политики находят отражение в учебнике, несмотря на то, что личных симпатий к монетаризму Самуэльсон не испытывал¹⁷. Но идеологические предпочтения автора отступают на второй план.

---

¹⁷ В одном из последних интервью Самуэльсон описал в иронических тонах свое отношение к монетаризму и его создателю. У Фридмана, отмечал он, была надежная доктрина в виде количественной теории денег, которой он следовал всю свою жизнь. «Если бы вы повстречались с ним,

В 1980 г. в «Экономике» появляется упоминание о *рациональных ожиданиях*. В двенадцатом издании Самуэльсон уже отмечает невозможность глубокого понимания макроэкономической политики без учета теории рациональных ожиданий. Но все же этой концепции он уделяет относительно небольшое внимание (менее 1 % всего объема книги), в то время как марксистской теории отведено более 6 % [25, с. 99]¹⁸.

В 1985 г. в «Экономике» впервые появляются упоминания об *экономической теории предложения и кривой Лаффера* [25, с. 99–100]. Но в 16 издании этой кривой уже нет. «Экономисты усмеются над Лаффером, что снижение налоговой ставки может увеличить налоговые поступления», – отметили авторы учебника [17, с. 567].

Кривая Филлипса в интерпретации Самуэльсона и Солоу появилась в пятом издании учебника (1961), в восьмом издании уже при-

---

то он показался бы вам очень умным парнем. Настолько убедительным, что лучше бы вам с ним не встречаться... Он был либертарианцем до мозга костей. Люди думали, что он шутит, но он действительно был против лицензирования хирургов и прочих вещей... Когда экономика шла вверх, мы оба давали один и тот же совет, и, когда экономика шла вниз, наши рекомендации также полностью совпадали. Но в промежутке он совсем не менял своих рекомендаций. Он хотел машину. Он хотел, чтобы машина выбрасывала денежную базу M0 с темпом, точно совпадающим с реальными темпами роста системы. И он думал, что это стабилизирует систему» (Clarke, 2009).

¹⁸ Это определено и личным отношением Самуэльсона к этой доктрине и ее авторам, которое не отличалось от их восприятия большинством экономистов. Самуэльсон отмечает: «Идея, которой действительно удалось вытеснить принципы кейнсианской политики, это не монетаристская, фридмановская точка зрения, это новый классический подход Лукаса и Сарджента (вытеснить в том смысле, что если удастся установить правоту «новых классиков», то некейнсианские рекомендации для экономической политики станут бессмысленными – В.А.). В сущности, представители этой конкретной группы просто заявили о том, что система будет саморегулироваться, поскольку рынок – это одна большая рациональная система. Эти ребята были бесполезны на заседаниях Федеральной резервной системы. Каждый раз, когда ситуация накалялась, я проводил неофициальный опрос среди них. И если им хватало ума, они молчали». (Clarke, 2009).

существует долгосрочная кривая Филипса, в четырнадцатом – кривая Филипса в теории рациональных ожиданий [25, с. 105].

В своем последнем интервью Самуэльсон поясняет, что он – кафетерийный кейнсианец (тот, кто выбирает и следует тем кусочкам доктрины, которые он считает приемлемыми). «Я могу ходить на мессу каждую неделю, так что я хороший католик, но я не регулирую размер своей семьи тем способом, который одобрил бы Папа» [20].

Хотя Самуэльсон так и не приблизился в своих взглядах к теоретикам Чикагской экономической школы, все же *его доверие к государственному регулированию постепенно уменьшалось*. Так, бюджетно-налоговой политике как инструменту макроэкономической стабилизации он отводил в поздних изданиях более скромную роль. Для него, как отмечено выше, это больше не главный инструмент стабилизации: «...кредитно-денежная политика стала наиболее предпочтительным инструментом сглаживания циклических колебаний» [17, с. 573].

Самуэльсон, как Дж. С. Милль и другие классики, никогда не отводил государству значительное место на микроуровне. Превосходство рынка в размещении ресурсов им не отрицалось. В поздних изданиях он поддерживает уменьшение госсектора, децентрализацию, дерегулирование. «Революция рынка», «возрождение рынка» в конце 80-х – начале 90-х гг. зафиксированы в поздних изданиях «Экономики»¹⁹.

Но Самуэльсон остается верным *смешанной экономике*, предполагающей сотрудничество рынка и правительства. Он призывает помнить, что «конкурентным рынкам присущи не одни лишь достоинства. Не каждому дано быть победителем в непрерывной дарвиновской борьбе за выживание, присущей рыночной экономике» [17, с. 649]. Взаимоотношения государства (правительства) и рынка

---

¹⁹ «По всему миру народы открывают для себя мощь рынка как инструмента перераспределения ресурсов... Повторное открытие рынка было сделано и в рыночной экономике. Многие страны отказались от регулирования отраслей промышленности, либо приватизировали предприятия, ранее находившиеся в государственной собственности. Результаты в целом были благоприятными – по мере роста производительности в этих секторах снизились и цены (Самуэльсон, Нордхаус, 2000. С. 21–22).

Самуэльсон рассматривает сквозь призму государственного контроля над общественным сектором, отводя государству значительную роль в устранении неудач рынка (защите окружающей среды, антимонопольном регулировании, нахождении «великого компромисса» между эффективностью и равенством и т. п.).

«Экономика» Самуэльсона анализировала не только экономические процессы в Соединенных Штатах, но и развитие экономики в других странах, в том числе социалистических. В ней описываются драматические события ренессанса рыночной экономики после падения коммунистических режимов в бывшем советском Союзе и странах Восточной Европы. «Практически все страны убедились, – отмечает Самуэльсон, – что дорога к рынку «усыпана шипами», такими как галопирующая инфляция, высокий уровень безработицы, сокращение реальной зарплаты и объемов производства» [17, с. 21].

Теоретический поиск экономической модели развития в постсоветских странах

Отказ от модели социалистической экономики и поиск новой экономической модели в постсоветских странах был предопределен низкой эффективностью функционирующих в этих странах хозяйствующих систем. При этом главной причиной неудовлетворительных результатов их работы признавался нерыночный характер этих систем. Сначала в своем поиске экономисты-теоретики сконцентрировались на модели социалистической рыночной экономики, но затем обратились к модели социальной рыночной экономики.

Модель социалистической рыночной экономики в сравнении с моделями плановой и рыночной экономики характеризуется двумя отличительными свойствами. Первая ее черта – экономика является социалистической, то есть в ее основе остается государственная собственность. Второе свойство – речь идет об экономике рыночного типа, то есть взаимодействие между экономическими субъектами осуществляется на основе свободного рыночного ценообразования.

В экономической науке разработано несколько теоретических моделей, которые соответствуют этим двум ограничениям²⁰. Тео-

---

²⁰ Речь идет о модели трудового самоуправленческого социализма (данная модель практически была реализована в Югославии), модели рабочей

ретически и практически доказано, что эти модели могут быть воссозданы и способны длительное время сохранять внутреннюю устойчивость, но они будут иметь более низкий потенциал в плане эффективности в сравнении с функционирующими в развитых странах хозяйственными системами, поскольку господство государственной собственности сужает конкуренцию.

Зачем же теоретически обосновывать заведомо менее эффективную экономическую модель, не лучше ли было сразу перейти к модели, которая на практике доказала свою эффективность? Сегодня уже очевидно, что выдвижение модели социалистической рыночной экономики отражало желание реформаторов нейтрализовать идеологические атаки против предлагаемых изменений. Запугивание теории социализма рассматривалось в качестве цены, которую стоило уплатить за увеличение благоприятных шансов для внедрения в экономику новых механизмов хозяйствования.

В дальнейшем (в условиях независимой Беларуси) модель социалистической рыночной экономики как теоретический ориентир социально-экономического развития страны была заменена моделью социально ориентированной рыночной экономики.

К основным характеристикам социального рыночного хозяйства в трактовке основоположников этой экономической модели (Мюллер-Армак, Репке, Рюстов, Эрхард и др.) относятся: конкурентная среда и механизм свободного ценообразования; экономическая свобода как самоценность и как инструмент повышения эффективности; «открытость» экономики; многообразие форм собственности и хозяйствования; государственное регулирование провалов рынка; проведение активной социальной политики [2].

Курс на построение в Беларуси социально ориентированной рыночной экономики по своему содержанию является движением от командно-административной экономики и предполагает создание эффективных институтов и механизмов рыночной экономики, что позволит более успешно решать социальные задачи.

От преподавания марксистско-ленинской политической экономии – к современной экономической теории: поиск нового содержания учебной дисциплины

собственности, аренды «общественного» капитала, капиталистической организации без частных капиталистов, разнообразных смешанных моделях.

Смена модели экономического развития определила новую парадигму в преподавании теоретического экономического курса в Беларуси. В начале 90-х гг. XX в. произошел переход от марксистско-ленинской политической экономии к чтению курса экономической теории²¹. *Последний основан, с одной стороны, на стандартном западном курсе «Экономика», но, с другой стороны, учитывает особенности белорусской социально-экономической модели.*

Обращение к *Economics* определено важнейшей особенностью последнего – он, как отмечалось выше, не является какой-то самостоятельной, цельной экономической теорией, включает совокупность экономических знаний, которые выработаны основными школами и течениями экономической мысли, и позволяет студентам усвоить базовые экономические понятия и уяснить механизмы функционирования экономики. При этом в нем широко представлены альтернативные взгляды на одни и те же проблемы.

Методологическая эклектичность, многоплановость *Economics* была положительно воспринята академическим сообществом в постсоциалистических странах после многолетнего однообразия марксистской идеологии. Но эта же эклектичность стала использоваться белорусскими преподавателями и авторами учебных пособий по экономической теории для введения в курс знаний из марксистской политической экономии, которые отсутствовали в аналогичных курсах западных университетов. Поэтому нейтральное название «экономическая теория» как нельзя лучше отражает содержание учебной дисциплины, преподаваемой в белорусских вузах в настоящее время. Это – не марксистско-ленинская политиче-

---

²¹ Необходимо учитывать, что толкование термина «экономическая теория» (*Economic Theory*) в англоязычной экономической литературе не совпадает с практикой использования этого понятия в русскоязычной литературе. В первом случае экономическая теория – это наиболее продвинутая область теоретических экономических исследований, использующих сложный математический аппарат (для того чтобы увидеть это, достаточно просмотреть один из номеров *Journal of Economic Theory*). В отечественной литературе обычно экономическая теория – это начальный теоретический экономический курс, предшествующий изучению курсов микро-, макро-, международной экономики и национальной экономики Беларуси.

ская экономия, но и не стандартный западный курс «Экономики» в «чистом» виде.

Почему программы по политической экономии перестали удовлетворять преподавателей, студентов, работодателей? Чем вызван был растущий интерес к западной экономической науке? Ответ очевиден – она лучше и полнее описывает функционирование современной экономики, неплохо объясняет, как работают рынки, почему рыночные агенты принимают те или иные решения, чем и как в рыночной экономике должно заниматься государство, поэтому представляется более практичной.

Марксистско-ленинская политическая экономия претендовала на то, что раскрытые ею экономические законы носят объективный характер, не зависят от воли и сознания людей. Точно так же и вся экономическая система выступала как некая внешняя сила по отношению к членам общества и обществу в целом. Отсюда – признание необходимости всеобъемлющего регулирования поведения хозяйствующих субъектов и национальной экономики в целом. Этот подход фактически и определил неэффективность существовавшей в течение многих десятилетий экономической системы. Он не совместим с принципами рыночной экономики: последней жесткая детерминированность не присуща.

В белорусские университеты курс экономической теории с его нынешним содержанием пришел скорее стихийно, нежели был директивно введен «сверху» (в течение многих лет отсутствовала типовая программа).

В качестве ориентира принимались изменения в преподавании экономической теории в российских университетах. И этого избежать было невозможно, поскольку именно в России проводилась значительная работа по переводу на русский язык вводных курсов по экономике западных авторов (Самуэльсона, Нордхауса; Макконнелла, Брю; Фишера, Дорнбуша, Шмалензи и др.) и научных работ многих выдающихся экономистов современности.

Проблемы в преподавании экономической теории в белорусских университетах

Невозможно отрицать существование серьезных проблем восприятия и адаптации методологических подходов, которые возникли за рубежом и постепенно распространялись у нас, взаимопонимания разных поколений исследователей и преподавателей, качества преподавания дисциплины.

Первой серьезной проблемой стала проблема кадровая. Многие преподаватели политэкономии не обладали необходимыми знаниями для чтения на должном уровне современного курса экономической теории. Система повышения квалификации эту проблему решить уже была не в состоянии. Акцент был сделан на самообразовании, которое в течение короткого периода времени не могло обеспечить свободного и глубокого владения материалом. К тому же для этого необходимым был определенный уровень математической подготовки. Кадровая проблема не решена полностью до сих пор в силу недостаточного притока в высшую школу молодых квалифицированных кадров, ограниченности практики стажировок молодых преподавателей в западных университетах.

Вторая проблема связана с качеством учебно-методического обеспечения. Переводы классических западных учебников лишь частично решали проблему – необходимы были оригинальные отечественные учебные пособия, в которых бы раскрывалась специфика белорусской экономической модели. Такие пособия с середины 90-х гг. стали появляться в большом количестве. Но к ним можно предъявить серьезные претензии из-за многочисленных неточностей и ошибок в изложении материала. То же нужно сказать и о большинстве российских изданий.

Третья проблема – переход к преподаванию современного курса экономической теории рассматривался многими как своеобразная идеологическая диверсия. Вопрос, который часто ставился: «Какая экономическая теория нам нужна?», – регулярно поднимается и сегодня.

«Какая экономическая теория нам нужна?»

Насколько полно преподаваемая сегодня учебная дисциплина «Экономическая теория» по своему содержанию отражает суть развивающихся в Беларуси социально-экономических процессов, содержание белорусской экономической модели с ее сильным акцентом на социальную направленность рыночных реформ и сохранение значительной роли государственного регулирования.

В современной экономической науке сосуществуют подходы, дающие полярные ответы на вопрос о границах государственного присутствия в экономике (особенно на микроуровне) – от концепции «минимального государства», признающей безусловный приоритет экономической свободы, до концепций, обосновывающих

необходимость ограничения этой свободы и значительного расширения функций государства с целью повышения общественного благосостояния. Аргумент – ограничение функций государства обеспечит наилучшую защиту экономической свободы, снизит риск провалов государства и будет сопровождаться ростом экономической эффективности, – присутствует в трудах Фр. А. Хайека, М. Фридмана, Р. Лукаса и др. Расширение границ государственного вмешательства в экономику позволяет устранить неэффективность, вызванную фиаско рынка, и более справедливо перераспределить доходы, решить проблемы, связанные с проявлениями макроэкономической нестабильности (экономические спады, инфляция, безработица) – такой довод содержится в работах Дж. М. Кейнса, П. Самуэльсона, Дж. Стиглица, Дж. Акерлофа и др. [4].

В стандартном учебном курсе экономической теории, читаемом в белорусских вузах, доминирует второй подход. И анализ экономических функций государства на микро- и макроуровнях составляет значительную по объему и очень важную по проблематике часть курса.

На микроуровне анализируются разнообразныe фиаско рынка и пути устранения их последствий. Выделяются следующие причины неудач рынка, из-за которых возникают расхождения между частными и общественными издержками и доходами и снижается эффективность размещения и использования производственных ресурсов: наличие монопольной власти, существование внешних эффектов (экстерналий), невозможность в оптимальном количестве производить общественные блага, асимметричность информации и др. Эти проблемы должны решаться с участием государства. На макроуровне анализируются цели, инструменты и механизмы денежно-кредитной, бюджетно-налоговой и внешнеэкономической политики.

Изучение экономической теории студентами всех специальностей позволяет им глубже понимать процессы, происходящие в отечественной экономике, формировать современное экономическое мышление. Студенты-неэкономисты должны понимать мотивы деятельности экономических субъектов, принципы работы рыночного механизма, его возможности и ограничения, роль государства в повышении экономической эффективности. Важно осмысление системного характера экономики, где все процессы взаимосвя-

висимы и взаимообусловлены. Без такого понимания «новую экономику» создать чрезвычайно сложно.

Практическое значение курса тем выше, чем полнее он учитывает национальные особенности. В мировой экономической науке всесторонне проработана универсальная теоретическая модель рыночной экономики. Однако в каждой стране формируется национальная рыночная модель, отражающая специфику ее исторического и культурного пути, географического положения. Иными словами, имеет место национальная идентичность рыночной экономики [14, с. 109]. Поэтому, хотя по своей сути экономическая теория интернациональна и ее выводы и обобщения универсальны, она не может не учитывать особенности модели экономического развития той или иной страны [20].

В. Ойкен разработал методологию отражения национального в экономической теории. Он предложил учитывать национальные особенности через категорию «экономический (хозяйственный) порядок». Последний трактуется как исторически возникшая и реально существующая данность, оказывающая влияние на экономических субъектов и выступающая как сочетание формальных и неформальных институтов, экономических и неэкономических (политико-правовых, социокультурных и иных) факторов. Национальная специфика в таком случае – это не просто использование иллюстративного материала конкретной страны, а внутреннее свойство «порядка», отличающего его от «идеального типа» [13, с. 76].

Выпускник каждого вуза, получивший любую специальность, должен быть не только профессионалом в своей области, но и владеть экономическими знаниями в такой степени, чтобы ориентироваться в проблемах экономического развития страны. Но достижение данной задачи не означает, что курс экономической теории для всех студентов должен быть стандартным, единым. Напротив, перед преподавателями экономической теории стоит задача направить интеллектуальные усилия студентов в те области и представить студентам те направления экономической мысли, которые в наибольшей степени отвечают потребностям их специальностей. Поэтому *необходима вариативность читаемых курсов экономической теории* в зависимости от особенностей университетов и специальностей.

Специфические требования к читаемым курсам могут включать: различия в полноте и структуре курса; добавление специальных разделов к стандартному курсу; отличия в методике преподавания; специальное методическое обеспечение курса; подготовка для каждой специальности особых спецкурсов по выбору, углубляющих тематику базового курса в направлении, необходимом для подготовки конкретного специалиста; выбор для изучения тех или иных результатов междисциплинарных исследований [10].

Важен также вопрос о влиянии междисциплинарных исследований на содержание теоретического экономического курса.

Междисциплинарные исследования и их отражение в экономической теории

Начиная с 60-х гг. XX в. наблюдается экспансия экономистов-теоретиков в смежные области общественнознания, когда с использованием экономических методов и моделей они пытаются ответить на вопросы, которые традиционно ставят перед собой специалисты в области политологии, социологии, права или истории.

В результате развиваются новые (смежные) разделы экономической теории – теория общественного выбора, экономика семьи, экономика права, теория человеческого капитала и др.

Значительное влияние на развитие междисциплинарных исследований в экономической теории оказали работы Э. Даунса, Дж. Бьюкенена, Г. Таллока, М. Олсона, Г. Беккера. Применяя методологию неонституционализма, они вторглись в область, традиционно считавшуюся полем деятельности политологов, юристов, социологов. При этом «явление экономического империализма ознаменовало расширение объекта исследования, предмет же экономической науки остался неизменным – рациональное максимизирующее человеческое поведение, в какой бы области оно ни происходило» [1, с. 41–42].

Экономический империализм основывается на трех важнейших методологических положениях. Во-первых, индивиды в любой социальной роли ведут себя рационально. Во-вторых, отрицается существование коллективной рациональности. Так, коллективные действия рассматриваются как действия индивидов, решивших достичь некоторых целей в составе коллектива, а не индивидуально. И, в-третьих, процесс принятия решений (политического или социологического характера) нужно анализировать как разновидность рыночного обмена. Демократический выбор отражает обще-

ственные предпочтения в точности как рыночные цены отражают общественные спрос и предложение на рынках товаров. Люди, голосуя за свои интересы, не подозревая того, формируют общественный интерес [3].

Широко известны и противоположные проникновения: например, анализ фирм и рынков социологами (теория социального капитала, например).

Интересен вопрос: как экономисты и социологи оценивают попытки вторжения на их исследовательское поле?

Известно, что исторически взаимоотношения социологов и экономистов формировались по-разному. До XX в. такой проблемы в принципе не было, поскольку работы классиков той эпохи носили ярко выраженный «междисциплинарный» (в какой-то степени, «додисциплинарный» характер). И во многих случаях невозможно точно определить, кто был экономистом, кто социологом, а кто философом. Достаточно упомянуть А. Смита или К. Маркса. Но к началу XX столетия произошла четкая специализация социальных наук. Благодаря усилиям неоклассиков экономическая теория избавилась от социологических наслоений, а социология стараниями Э. Дюркгейма, М. Вебера и др. определила свою систему понятий. Далее, в течение более чем полувека они развивались практически независимо, игнорируя друг друга [15, с. 45–47].

Так продолжалось до начала 1960-х гг. К сегодняшнему дню не осталось практически ни одной области социальных наук, в которую не вторглись бы экономисты со своими модельными построениями. В середине 1980-х гг. оформилось встречное движение в рамках «новой экономической социологии». Социологи тоже стали проникать на чужое поле, начав с использованием собственных методов изучать рынки, конкуренцию, корпоративное управление, финансы.

Чем вызваны «империалистические поползновения» с обеих сторон? В.В. Радаев справедливо отмечает произошедшее радикальное обособление методики анализа от объекта исследования данных наук. Сегодня «экономика» – это сфера, к которой применен экономический подход. То есть это и сфера семейных отношений, и политические отношения, и т. п. То же правомерно сказать и о социологии – границы «социального» сегодня весьма расплывчаты. И экономический и социологический подходы, основанные на

разных предпосылках, все больше пересекаются или даже совпадают в части объекта исследования [15].

Но абсолютно неправомерно хоть как-то подвергать сомнению самостоятельность экономической теории и социологии как важнейших направлений научных исследований: ведь предмет и методология экономического и социологического анализа даже одних и тех же объектов исследования существенно различаются.

Новая политическая экономия: «возвращение к истокам»

Под вывеской междисциплинарной интеграции в работах ряда ученых обосновывается необходимость изменения предмета экономической теории и перехода к «новой политической экономии», о чем уже упоминалось выше. В редакционной статье к первому номеру журнала «Новая политическая экономия» отмечалось, что классическая политическая экономия всегда состояла из трех ключевых дискурсов: практического дискурса о политике, о лучших способах регулирования и содействия увеличению общественного богатства; нормативного дискурса об идеальной форме взаимоотношений экономики и государства, и научного дискурса о том, каким образом социальная система на самом деле работает [21, с. 5].

Говоря об истоках «современной политической экономии», ее авторы указывают на работы А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Дж. Ст. Милля, К. Маркса. После них «огонь политической экономии» был сохранен, с одной стороны, в работах Й. Шумпетера и представителей старого институционализма, и с другой стороны, в работах по теории империализма Ленина и его последователей. Это позволило, по мнению «новых политэкономов», по крайней мере сохранить политическую экономию в живых в течение нескольких трудных десятилетий [22].

Сторонниками новой политической экономии подчеркивается, что в 1980-х гг. стало очевидным, что многим из отдельных социальных наук все труднее объяснить различные аспекты жизнедеятельности общества. В результате исследования выходят за пределы унаследованных конкретными дисциплинами границ. Первой в данном направлении двинулась экономическая теория. Но и в политологии начинают активно развиваться новые исследовательские программы (теории государства, общественного выбора). Социология пыталась преодолеть традиционные разрывы между структурными и агентскими режимами анализа.

Исследовательское поле современной политической экономики охватывает четыре основных направления:

1. *Сравнительная политическая экономия* – анализ институциональных моделей, особенностей в режимах политики альтернативных моделей капитализма.

2. *Политическая экономия окружающей среды* – делает акцент на устойчивом развитии и проблемах создания социальных и экономических институтов, необходимых для воспроизводства существующих социально-экономических моделей в долгосрочной перспективе.

3. *Политическая экономия развития* – обращает внимание на факторы неравномерного развития, богатства и бедности отдельных классов, регионов и государств.

4. *Международная политическая экономия* – изучает последствия создания глобальной экономики и глобальной культуры, изменения в мировом порядке в долгосрочной перспективе (Рауне А., 2006).

Нельзя отрицать значимости всех этих проблем и необходимости совершенствования методологических подходов к их исследованию, их отражения в курсе экономической теории. Но важно понимать, что школа «новой политической экономики» не вытесняет другие школы, а может лишь развиваться рядом с ними и вместе с ними найти отражение в учебном курсе экономической теории.

Совершенствование преподавания экономической теории

Все учебные планы подготовки специалистов с высшим образованием в Беларуси предполагают изучение экономической теории. Но если для экономистов это – вводный курс, за освоением которого следует изучение таких теоретических экономических дисциплин, как микроэкономика, макроэкономика, международная экономика и национальная экономика Беларуси, то для неэкономистов – это, возможно, единственная экономическая дисциплина (она может быть дополнена небольшим спецкурсом), при изучении которой они столкнутся с проблемами экономики.

Студентам неэкономических специальностей с 2012–2013 учебного года в университетах Беларуси учебные дисциплины «Экономическая теория» и «Социология» преподаются в рамках интегрированного модуля «Экономика».

Существует соблазн аргументировать такое объединение развитием междисциплинарных исследований, о которых речь шла выше и в которых экономисты и социологи принимают самое активное участие. Но это – слабое объяснение. В соответствии с такой логикой содержание интегрированного модуля может быть сведено к изложению только результатов междисциплинарных исследований. То есть от экономической теории остаются, к примеру, теория человеческого капитала или теория семьи, а от социологии – такой ее раздел, как экономическая социология. Но в таком случае преподавание экономической теории и социологии становится несистемным, цели его не могут в полной мере быть реализованными. И к тому же непонятно, почему вне такой интеграции с экономической теорией и социологией остается политология.

Но нельзя отрицать и необходимость более тесных междисциплинарных связей в процессе преподавания учебных курсов социально-гуманитарного цикла, что позволило бы сформировать у студентов целостное представление о происходящих в стране социально-экономических и политических процессах.

Каковы формы такой интеграции? Представляется, что апробация экспериментальных программ интегрированных модулей в 2012–2014 гг. и последующее широкое обсуждение результатов реформирования социально-гуманитарного цикла, проблем, возникших в процессе преподавания интегрированных модулей, позволит ответить на этот вопрос. Важно учесть и зарубежный опыт развития социально-гуманитарной составляющей высшего неэкономического образования.

Переход к четырем годам обучения на первой ступени высшего образования делает неизбежным сокращение аудиторного времени на изучение социально-гуманитарных дисциплин. Это требует значительного усовершенствования методического обеспечения их преподавания. Определенную роль в решении этой проблемы может сыграть разработка и использование в учебном процессе электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК) [5].

ЭУМК имеют следующие преимущества: мультимедийность, или разнообразие форм представления информации; интерактивность, то есть возможность через информационно-коммуникационную систему взаимодействия студентов и преподавателя; придание учебному процессу элементов исследовательской деятельности; повышение роли самообучения и сокращение затрат

труда преподавателей; возможность чаще и с меньшими затратами обновлять информационные материалы; гибкое структурирование учебных материалов; дифференциация учебных материалов для разных категорий обучающихся (например, по степени сложности).

Информатизация видоизменяет саму организацию образовательного процесса. Традиционная схема обучения в высшей школе: лекция, где преподавателем излагается новый материал; самостоятельное изучение материала студентами; выборочный опрос студентов на семинарском занятии; ответы преподавателя на вопросы студентов, возникшие при изучении материала; дискуссия между студентами с участием преподавателя; промежуточная аттестация знаний в форме контрольных работ; итоговая аттестация. Распространение ЭУМК позволит организовать работу по-другому: выдача преподавателем заданий для самостоятельного изучения студентами; самостоятельная подготовка студентов с использованием ЭУМК; лекция, которая сводится не к изложению преподавателем новой темы, а исключительно к ответам на вопросы студентов, раскрытию наиболее сложных фрагментов темы; самопроверка студентами знаний (вместо выборочных опросов на семинаре); проверка преподавателем результатов самоаттестации студентов; семинарское занятие, на котором преподаватель комментирует результаты самоаттестации студентов, отвечает на их вопросы, участвует в дискуссии по изучаемой теме; промежуточная аттестация студентов в форме контрольных работ (на компьютере); итоговая аттестация в форме контрольных работ (на компьютере). Возможны и иные способы организации учебного процесса с использованием ЭУМК.

Список использованных источников

1. Автономов, В.С. Модель человека в экономической науке / В.С. Автономов. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230 с.
2. Автономов, В.С. Социальное рыночное хозяйство: Теория и этика экономического порядка в России и Германии / В.С. Автономов. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – 368 с.
3. Бьюкенен, Дж. Конституция экономической политики; Расчет согласия / Дж. Бьюкенен, Г. Таллок. – М.: Таурус Альфа, 1997. – 558 с.

4. Воробьёв, В.А. Микроэкономическая политика: методология анализа / В.А. Воробьёв // Научные труды Бел. гос. экон. ун-та. – Минск: БГЭУ, 2008. – С. 70–75.
5. Воробьёв, В.А. Электронный учебно-методический комплекс: проблемы разработки и использования в учебном процессе / В.А. Воробьёв, А.М. Филиппов, О.А. Сосновский // Высшэйшая школа. – 2011. – № 1. – С. 38–43.
6. Гальперин, В.М. Экономикс, сиречь наука экономическая / В.М. Гальперин // Экономическая школа. – 1992. – Вып. 2. – С. 15–23.
7. Груневеген, П. «Политическая экономия» и «экономическая наука» / П. Груневеген // Экономическая теория: Энциклопедический сборник «The New Palgrave». – М.: ИНФРА-М. – 2004. – С. 680–687.
8. Итоговый документ международного симпозиума в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Экономическая теория: исторические корни, современная роль и перспективы развития // Российский экономический журнал. – 2004. – № 5–6. – С. 50–56.
9. К созданию институциональной политической экономии / Р. Буайе [и др.] // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9. – № 3. – С. 17–24.
10. Концепция преподавания экономической теории на неэкономических факультетах ГУ ВШЭ / И.А. Ким [и др.]. – М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ. – 2006. – 78 с.
11. Маршалл, А. Основы экономической науки / А. Маршалл. – М.: Эксмо. – 2008. – 832 с.
12. Милль, Дж.С. Основы политической экономии / Дж.С. Милль. – В 3-х т. – М.: Прогресс, 1981. – Т. 3. – 448 с.
13. Ойкен, В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М.: Прогресс, 1995. – 494 с.
14. Пороховский, А. Эффективность экономического образования / А. Пороховский // Вопросы экономики. – 2006. – № 7. – С. 108–117.
15. Радаев, В.В. Экономическая социология / В.В. Радаев. – М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2005. – 603 с.
16. Радаев, В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам / В.В. Радаев // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9. – № 3. – С.25–32.
17. Самуэльсон, П.Э. Экономика / П.Э. Самуэльсон, В.Д. Нордхаус. – М.: Вильямс, 2000. – 688 с.
18. Самуэльсон, П.Э. Экономика. Вводный курс. М.: Издательство «Прогресс», 1964. 843 с.
19. Селигмен, Б.Б. Основные течения современной экономической мысли / Б.Б. Селигмен. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.
20. Clarke, C. An Interview With Paul Samuelson, Part One / C. Clarke [Electronic resource] // The Atlantic. – 2009. – Jun 17. – Mode of access: <http://gallery.economicus.ru/...samuelson>.

21. Editorial: *New Political Economy* / A. Gamble [etc.] // *New Political Economy*. – 1996. – Vol. 1. – P. 5–11.
22. Payne, A. *The genealogy of new political economy. Key Debates in New Political Economy* / A. Payne. – London: Taylor & Francis Group, 2006. – P. 4–10.
23. *Samuelson's Economics at Fifty: Remarks on the Occasion of the Anniversary of Publication* / P.A. Samuelson [etc.] // *Journal of Economic Education*. – 1999. – Vol. 30. – № 4. P. 352–363.
24. Skousen, M. *The perseverance of Paul Samuelson's «Economics»* / M. Skousen // *Journal of Economic Perspectives*. – 1997. – Vol. 11. – № 2. – P. 137–152.
25. Smith, L.M. *A Study of Paul A. Samuelson's Economics: Making Economics Accessible to Students* [Electronic resource] / L.M. Smith. – 2000. – Mode of access: http://muir.massey.ac.nz/bitstream/10179/2178/2/01_front.pdf.
26. Tobin, J. *Macroeconomics and Fiscal Policy. Paul Samuelson and Modern Economic Theory* / J. Tobin. – New York: McGraw-Hill, 1983. – P. 189–202.